

ГОРОД В СЕВЕРНОЙ РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ

Трушкова И.Ю.

ФГБОУ ВПО «Вятский государственный университет», Россия, 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36 ; e-mail: kaf_vseob_istoria@vyatsu.ru.

В статье на основе анализа разного рода исторических источников исследуются исторические символы города на Русском Севере на примере Лальска, расположенного в северном вятском пограничье. Выделяются географические, религиозные и другие важные городские объекты. Фиксируется привязанность к рекам. Православные храмы являлись важными точками в культурном ландшафте. Они охраняли город. Изразцы (полихромные, рельефные художественные керамические плитки) украшали церкви и дома жителей города. Постепенно число несакральных символов увеличивается. Материальные символы расширяют границы существования исторических символов. Показаны архаичные технологии производства керамики, формы гвоздей, оконная слюда, фрагменты винных бутылок и курительные трубки. История провинциального города включает сакральные и профанные, позитивные и негативные символы. Они включены в культурный ландшафт и в историю повседневности местных жителей.

Ключевые слова: провинциальный город, культурный ландшафт, церкви, изразцы.

RUSSIAN NORTH'S TOWN: HISTORICAL SYMBOLS

Trushkova I.J.

FGBOU VPO "Vyatka State University, Russia, 610000, Kirov str. Moscow, 36; e-mail: kaf_vseob_istoria@vyatsu.ru.

In article on base of the analysis of the some kinds of the history sources are researched history symbols of the city in Russian North on example Lalsk, located in North Vjatka boundary. Geographical, religious and other important town objects are fixed. The inclination to rivers is fixed too. The Orthodox churches were important points in cultural landscape. They protected the city. The "Izrazcy" (the polychromic ceramic bars) decorated churches and houses of the city inhabitants. Gradually, the number of non-sacral symbols increased. The Material symbols increase the borders of history symbol existence. The archaic ceramic technologies, the forms of the nails, window mica, fragments of the wine bottles and smoking tubes are showed. The history of the provincial city includes the sacral and profane, positive and negative symbols. They are enclosed in cultural landscape and in every-day history of local inhabitants.

The Keywords: provincial city, cultural landscape, churches, polychromic ceramic plates.

Актуальными в современный период представляются темы более глубокого исследования исторической действительности, заключающейся в более мелких, невидимых при традиционных изысканиях исторических и культурных связей в конкретных регионах России. Города в истории и культуре стран и регионов являются важными объектами в культурном ландшафте, связанными с экономикой, общественной жизнью, воззрениями, ментальностью, духовными символами людей, живущих в пределах городской черты и вне ее. Отсюда видно, что история и культура провинциальных городов на Русском Севере в XVI–XIX веках характеризуется комплексом символов. На примере города Лальск, располагавшегося в северном вятском пограничье, демонстрируется система представлений русского крестьянства и уездного мещанства.

Целью работы является выявление исторических символов в малых провинциальных городах русского Севера (на примере города Лальска), а также этапов их оформления и закономерностей функционирования. Весьма репрезентативным в этой связи видится сочетание источников из пограничных исторических наук. Материалы археологических, историко-бытовых и других экспедиций 1990–2010 гг. в комплексе с летописными (в том числе – переписанными поздними авторами) и другими источниками выявляют небезыңтересные культурные тексты по истории северного города. Археологический пласт в культурном ландшафте, как правило, перекрывается этнографическим и историческим, в том числе – и переписанными в более поздние времена и опубликованными фрагментами летописей. Все культурные объекты не только соотносятся между собой, но и существуют в ландшафте в комплексе.

Говоря о методах, следует отметить, что использование традиционных историко-сравнительных построений дополняется специфическими для археологии и этнологии формами обработки научной информации – камеральными реконструкциями, опросами информантов, фотофиксацией и т.п.

Поморская этнокультура и ментальность, прежде всего, отражались в таких символах, как географические пространственные ориентиры, православные храмы. Из истории основания Лальска известно немного. Известно, что город был основан в 1570 году. «...Оставившие жительство свое Великий Новгород странствовали по лесам, пустыням и непроходимым местам дотолѣ донележе достигли, Богом наставляемы, реки Лалы, в пустом месте течение свое продолжающей от Устюга на Сибирь в расстоянии 80 верст и ту поселилися. Прибывающіеся на том месте начали размножаться и нарекошася по имени реки лалы «лалечана» [5; С.8]. Так, «перво-поселение» включается в ландшафт, где ключевыми объектами являются реки. «...О времени построения в Лальске церкви и «города» сведений нет; но, по всей вероятности, то и другое было устроено вскоре после основания: так как «в этот уезд, как видно из писцовых книг, входила вся местность по рр. Лузе и Лале, а частью и по рр. Югу и Моломе до границ Вятской губернии...» [5; С.9]. Показательно, что реки в рассматриваемый период выступали в качестве не только естественных, но и культурных границ, они служили ориентиром при миграциях и местом для закрепления людей в определенном природном ландшафте.

Следующий этап в формировании городской среды связан с включением в ландшафт сакральных объектов, в данном случае – православных храмов. Первый форпост русской культуры в Лальске – монастырь в местечке Ботище. Главная церковь в нем – Михаила Архангела. Символично, что данный святой был покровителем у населения на Русском Севере, где православных переселенцев окружали проблемы,

связанные с суровой северной природой и незнакомым населением. Монастырь в предместье выступал в роли символа защиты и самим защитником города от нападений.

Позже, севернее монастыря был основан погост, ставший городом. Показательна радиальная структура Лальска. «В Лальской же волости на реке Лале на осыпи бывал городок Ботище ниже Никольского погосту, на берегу, а в осыпи церковь Михаила Архангела, верх шатровый, ставят новомирские люди Лальскою волостью, а дворов на осыпи нет, а поставлен острог около Никольского Лальского псаду по Лале-реке по берегу вверх от осыпи. Из острогу трои ворота проезжие, да 8 башен глухих, а в остроге государев каменный погреб, а на нем амбар кругом, у амбару тын стоячий вострый на углах, а в нем за замком и за печатью у острожных приказчиков у Овдейка Паламошнова со товарищи государева казна...» [5; С.14–15]. Восприятие города усложнялось на протяжении исторических периодов.

В эпоху пред-капитализма в рассматриваемой северно-русской территории церкви по-прежнему выступали ориентирами, доминантами, причем, как в самом Лальске, так и в его округе. На главной площади города у берега реки располагались три храма: самый северный – Воскресенский собор (1698), южнее – Благовещенская церковь (1761) и далее – Богоявленская церковь (1715). Аналогии в структуре городской среды находятся в материалах по истории города Вятки XVII столетия. Сходство – в обустройстве центра, расположении храмов, связанных с ними направлений (улиц / дорог). «Такая структура – «не просто перенесение на карту города ряда основных святынь Иерусалима Палестинского, а целая система знаков, важнейшими из которых являются храмы, посвященные Христу Спасителю» [1; С.24]. В Лальске храм Богоявления расположен на самом юге площади, в центре – сакральная точка о Благой вести и на севере площади – символ Воскресенья Христа. При этом дорога в город Лальск идет с юга. Юг для северного («нагорного») мира – противоположность, источник опасности. Вот почему некоторые храмы располагаются в южной части города и могли восприниматься как форпосты-защитники.

Радиальная система улиц, идущих от центра, представляется каркасом для полукруга. Вероятно, второе полукружье распространялось на речное пространство в пределах города, зону хозяйственной и общественной активности поморских людей на воде, отличавшихся развитой пространственной подвижностью. Христианская символика просматривается в расположении самого города, объектов внутри него и за его пределами – в округе. Религиозные постройки являются символами следующего порядка в истории провинциального северно-русского города.

Следующий этап в развитии исторических символов в малом поморском городе может быть связан с декором храмов и актуализировавшегося с петровских времен эстетического оформления светских вещей, быта. Показательными историческими символами в этом случае являются изразцы. Как известно, эти декорированные художественные керамические плитки украшали как храмы, так и интерьеры богатых домов жителей Лальска. Изразцы здесь встречаются как находки из археологических раскопок и как остатки декора на церквях. Цвета и образы местных изразцов имеют определенную семантику. Их основные цвета – бежевый, голубо-лазурный, светло-зеленый и белый. Они символизируют небеса, солнечный свет, растительность, благодать. Сюжеты полисемантичны: птицы «райские» – курицы, грифоны, цветы-вазоны, другая растительность. Все это – символы благолепия, благополучия. На местное изготовление художественных плиток указывают остатки печи, обнаруженной в результате археологических изысканий. Местные изразцы находят широкие аналогии в других регионах: центром страны, другими городами Русского Севера, а также – с Прикамьем. Известно, что «красные терракотовые изразцы московские мастера стали вырабатывать в конце XVI – начале XVII в. и в XVII веке производство красных, муравленых и многоцветных рельефных изразцов распространилось по центральной части Русского государства. Ведущее начало в эти годы принадлежало Москве, за столицей следовали Ярославль, Владимир, Калуга. В конце XVII – первой половине XVIII века изразцовые производства организовались в Петербурге, Александровской слободе, Троицко-Сергиевском монастыре и в далеких от столицы городах: Балахне, Соликамске, Устюге Великом и Тотъме» [4; С. 9, Илл. 131, 153, 159–160, 161]. Сходные узоры и оформление фиксируются и в полихромно-рельефных прямоугольных изразцах, найденных в самой Москве при раскопках, а также – с изразцами Иосифо-Волоколамского монастыря [3; С.67; 2, С.102]. Очевидно, что в Лальске выявляются следы разных или одной, но разветвленной ремесленной школы производства художественных керамических плиток. Разумеется, ближайшим пунктом трансляции этого ремесла выступал город Великий Устюг. Полихромные рельефные изразцы в Лальске украшали как экстерьер храмов, так и интерьер богатых купеческих домов. В частности, обнаруживаются детали массивных ножек печей, выполненные из красной глины среднего качества обжига и политые зеленой глазурью. Аналогии им находятся в гг. Великом Устюге и Соликамске. Обращает на себя внимание факт перемещения исторических символов из «общественного» / внешнего пространства исторического города во внутренне / частное. Новые, private символы маркируют начавшийся процесс индивидуализации истории повседневности, как раз сочетающийся с пред-капитализмом.

Взаимодополнение методов исторических исследований приводит к выводам о диверсификации исторического пространства, соотношениях городской и деревенской территорий бытования вещественных исторических свидетельств. В культурном ландшафте сакральным символом остается традиционное число, но при этом увеличивается количество профанных маркеров. И уже актуальными предстают ареалы бытования тех или иных бытовых вещей, тех предметов материальной культуры, которые жители Лальска и его округа используют в обычной исторической действительности.

Наиболее массовым и неплохо сохраняющимся материалом является глиняная посуда. Она включает в себя комплекс археологических предметов, происходящих из раскопа и являющихся подъемным материалом. Все обнаруженные фрагменты керамики разделяются на группы. Выделяется толстостенная и тонкостенная керамика, а также фрагменты черепков средней толщины. Об особенностях обжига говорят следы прокала с равномерно прокаленной стенкой сосуда, с более прокаленными внешними краями. Часть фрагментов керамики имеет следы нахождения в пожаре (огне).

По форме все сосуды делятся на горшки, кувшины, миски, возможно – корчаги. Приблизительная характеристика венчиков позволяет отнести все найденные образцы к хронологическому периоду от XVII до XIX в. В коллекции имеется и венчик чашки (миски?), выполненной в технике гжельской майолики. Лишь определенную степень сохранности подтверждают некоторые сколы по краю и незначительные явления цека. Из раскопов происходят и фрагменты красноглиняных изразцов (заготовок для полихромных?), а также обломки лекального (подпятного) кирпича. Археологические источники выявляют особенности расширения территории и роста светского содержания («профанизации») исторических символов.

Традиционная керамическая посуда, собранная в результате этнографических изысканий, свидетельствует о расширении светских символов во времени. В коллекции горшков и мисок лишь иногда и большей частью именно внутри наблюдается «полива» (глазурь темно-зеленого цвета). Форма венчиков «этнографической» керамики соотносится с венчиками, происходящими из раскопа; однако, последние несколько массивнее. Примечательно, что у горшков «поливой» покрывалась верхняя внешняя часть, а у мисок – внутренняя поверхность, до половины или полностью. Описан процесс производства, в том числе и на полу-ручном гончарном круге методом «налёпа». Он включает в себя ряд небезынересных техник и приемов. По свидетельствам мастера, изготовление сопровождалось рядом примет и начиналось с замеса глиняного теста. Чтобы достигнуть должного качества перемешанной глины, нужно было топтать ее ногами и приговаривать при этом определенные слова. Потом глина раскатывалась

шариками и полосками. Из одного шарика изготавливалась лепешка – будущее дно, из полоски – стенки. На полуручном гончарном круге стенки будущего горшка подравнивались. Выделяется техника оформления венчика при помощи тряпичной ленты, фигурно замотанной на пальцах правой кисти руки мастера. Специальное название отмечено и у деревянной стрелки, при помощи которой обрезаются края горшка. Низ снимался холщевой нитью. Так, сакральное наполнение процесса изготовления воспроизводилось лишь как некая архаика и объяснялось консервативностью и широким наполнением культурного ландшафта традиционной культурой, которая окружала очаги городской.

Формы гвоздей – с характерными шляпками и ножками – также подтверждают пролонгирование бытования данной группы с «археологических» до «этнографических» времен. Это, вероятно, объясняется воспроизведением местной кузнечной традиции. Границы их распространения определяются лальской округой.

Еще один показательный вид материальных источников – фрагменты слюдяных окон, иногда – с остатками деревянных рам и гвоздей. Некогда единичный и дорогостоящий объект материальной культуры люда в Лальске в XVII–XVIII вв. была распространена достаточно. Также обнаружены остатки двузубых вилок, лезвий ножей из булатной стали, остатки кожаной обуви и т.д. Все выше перечисленные профанные символы говорят о разнообразии видов и расширении пространства бытования исторических символов.

Однако наращивание светского содержания в комплексе предметов материальной культуры постепенно выявляют не только снижение сакрального наполнения, но и появление в профанной сфере иного рода показателей. Археологические раскопки выявляют информацию негативного вида. В культурных слоях, начиная с XVIII столетия, есть фрагменты винных бутылок, штофов, сосудов из-под рижского бальзама. Вероятно, с расширением торговли спиртными напитками с начала 1700-х годов данное явление стало распространяться и в малых российских городах, несмотря на их традиционную приверженность к православным ценностям. Не единичное явление – курительные трубки этого же времени. Найденные курительные трубки аналогичны тем, которые в Москве датируются концом XVIII – началом XIX в. [6; С.73]. Археологические и исторические источники объясняются этнографическим материалом. Анализ крестьянских воззрений в отношении города и фольклора показывает, что город для местной деревенской округи воспринимался как «территория не своя», а, следовательно, там возможны отступления от привычных норм поведения. Такие воззрения укреплялись с проникновением в провинцию промышленного алкоголя и табака.

Результаты исследования и их обсуждение сводятся к следующему. Исторические символы в малом провинциальном городе Русского Севера в XVI–XIX вв. выявляют динамику. Среди первичных – географические и сакральные (православные). Постепенно увеличивается число символов светского содержания. Выявлены этапы и особенности расширения культурного пространства.

Таким образом, на примере Лальска раскрываются особенности функционирования исторических символов, ментальных установок в городских центрах восточной части Поморья, Русского Севера. Культурные и исторические объекты были «встроены» в пространство, цветовые сочетания в них были призваны подкрепить некоторые духовные ценности. Выявляются направления торговых и ремесленных связей в гончарстве. Точечные сакральные объекты постепенно превращались в территории бытования, и не только религиозных / духовных символов, а материальных показателей. Формы вещей пролонгировались на протяжении веков, характеризуя историю повседневности местного населения. Все это необходимо учитывать не только в деле сохранения культурного наследия, в современном управлении регионом, в сфере образования.

Список литературы

1. Балыбердин А. Г., свящ. «Замысел о Вятке». Попытка литургического осмысления символики архитектурно-планировочной структуры города Хлынова (Вятки) // Православие на Вятской земле. Материалы Межрегиональной научной конференции 5 декабря 2007 г. – Вятка: Буквица, 2007. – С. 20–30.
2. Воронов Н.В., Сахарова И.Г. О датировке и распространении некоторых видов московских изразцов // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. III / Под ред. Н.Н. Воронина. – М.: Наука, 1955. – С. 77–115.
3. Горюнова Е.И. Итоги работ археологического надзора на строительстве II очереди Московского метрополитена // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. I / Под ред. А.В. Арциховского. – М.; Л.: Наука, 1947. – С. 44–54.
4. Маслих С.А. Русское изразцовое искусство. – М.: Изобразительное искусство, 1983. – 297 с.
5. Пономарев И. Сборник материалов для истории города Лальска. Том первый, с 1570 по 1800 год. – В. Устюг: Типография-скоропечатня П.Н. Лагирева, 1897. – 260 с.
6. Рабинович М.Г. Гончарная слобода в Москве XVI – XVIII вв. // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. I / Под ред. А.В. Арциховского. – М.; Л.: Наука, 1947. – С. 55–76.

Рецензенты:

Загребин А.Е., д.и.н., профессор, директор Учреждения Российской академии наук Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, г. Ижевск.

Черных А.В., д.и.н., профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный педагогический университет», Министерство образования РФ, г. Пермь.